

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания РАН**

**ВОСЬМАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ-ШКОЛА
«ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»**

**Москва
19–20 марта 2020 г.
Тезисы**

**СИСТЕМА ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ДИАЛЕКТОВ
ТУНДРОВОГО НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ:
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛЕВЫЕ ДАННЫЕ**

*Амелина Мария Константиновна
(Институт языкознания РАН, Москва)*

Рукопись «Грамматика самоедского языка» (“*Samojedische Grammatik*”) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд рукописей трудов А. М. Шегрена, фонд 94, опись 1, дело № 25, 78 лл.). Работа над данной грамматикой велась архимандритом Вениамином (В. Н. Смирновым) во II пол. 1820-х гг. — I пол. 1830-х гг. в рамках деятельности «самоедской миссии» в Мезенском уезде Архангельской губернии (на западе современного Ненецкого АО). В рукописи представлено описание грамматической системы тундрового ненецкого языка (далее — ТН) на основе западных диалектов (говоров ненцев, населяющих бассейн р. Мезень, Канинскую и Тиманскую тундры). Степень сохранности современных западных диалектов ТН намного ниже, чем восточных [Nikolaeva 2014: 5], по этой причине в настоящее время архивные материалы XIX в. по западным диалектам ТН приобретают всё большую значимость.

Наше исследование представляет собой сравнительный анализ системы именного словоизменения («простого» и «посессивного» типов склонения) западных диалектов ТН, предложенной архим. Вениамином в I-ой трети XIX в., с аналогичными системами современных западных диалектов (экспедиционные материалы автора по канинскому и колгуевскому диалектам) и литературного ТН языка. Приведем здесь некоторые выводы данного сравнительного анализа.

1) В падежной системе архим. Вениамина отсутствуют два падежа, в настоящее время представленные во всех диалектах ТН, в том числе и в западных, — аблатив («отложительный» падеж) и пролатив («продольный» падеж; «просекутив» в работе [Salminen 1998]).

2) Второй особенностью падежной системы архим. Вениамина является выделение двух самостоятельных падежей с разными формами — инструменталю / инструменталиса (творительного падежа) и локатива (местного падежа), — тогда как во всех современных диалектах ТН эти два падежных значения слиты в единой форме: LOC-INSTR.SG *-x^ona*, LOC-INSTR.PL *-x^ona¹*.

3) В современных крайнезападных ненецких диалектах (канинском и колгуевском), по нашим полевым данным, зафиксирована деназализация — утрата носового сонорного в сочетании «носовой сонорный + шумный» с озвончением последующего шумного согласного (напр., *Uemp'ia* > *Ueb'ia* кр.-зап. ‘блюдец’), однако в записи форм инструментального падежа единственного числа архим. Вениамином мы не наблюдаем этого упрощения: напр., *vdambo'di* с носовым согласным *-m-* в сочетании с последующим звонким шумным. Таким образом, мы можем датировать явление деназализации в крайнезападных ненецких диалектах как инновацию, произошедшую не ранее I-ой трети XIX в.

---

¹ Символом ^o здесь и далее обозначается «глубинная» гласная редуцированная фонема, значимая для морфонологии ТН. Символом [?] здесь и далее обозначен «глухой» гортанный смычный согласный = ” в записи Н. М. Терещенко [Терещенко 1965], *q* — в обозначении Т. Салминена [Salminen 1998].

4) По нашим полевым данным, в крайнезападных диалектах для выражения инструментального значения в непоссесивном склонении широко (как второй вариант) используется также форма на **(m)poj°* > [-bój] / [-rój], аналогичная той, которая зафиксирована архим. Вениамином как один из вариантов инструментального падежа единственного числа (-мбòì).

5) Архим. Вениамином последовательно отмечается показатель родительного падежа множественного числа *-wéi* <-wej°>. В современных ненецких диалектах нами не было зафиксировано подобного аффикса со сходным значением. В большинстве современных ненецких диалектов форма GEN.PL образуется прибавлением показателя -ʔ к основе ACC.PL, которая отличается от основы NOM.SG закономерными чередованиями.

Глоссы и сокращения

кр.-зап. — крайнезападные диалекты тундрового ненецкого языка
ТН — тундровый ненецкий язык
ACC — аккузатив (винительный падеж)
GEN — генитив (родительный падеж)
INSTR — инструментальный падеж
LOC — локатив (местный падеж)
NOM — номинатив (именительный падеж)
PL — множественное число
SG — единственное число

Список литературы

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь: Около 22000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. М., 1965.
Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I.* A Grammar of Tundra Nenets. Berlin — Boston, 2014.
Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXVI. Helsinki, 1998.)

LEXICO-TYPOLOGICAL STUDY OF THE VERBS OF THROWING

Blinova Alyona Alekseevna
(NRU HSE, Moscow)

Lexical typology is the field of study analyzing how semantic material is packed into words (Lehrer 1992; Koptjevskaja-Tamm 2008; Koptjevskaja-Tamm et al. 2016). It has gained notable attention in the recent years. This phenomenon is understandable, since it deals with semantics and, inherently, understanding and recreating human speech. Verbs have always occupied a special place in typological works, and many of those are verbs of movement. Some notable examples are studies of the verbs of putting and taking done by Bowerman et al. (2004) and Kopecka and Narasimhan (2012), verbs of cutting and breaking by Majid et al. (2007), and verbs of falling by Reznikova and Vyrenkova (2015).

The study at hand «Lexico-Typological Study of the Verbs of Throwing» continues the research tradition in lexical typology – studying verbs of movement. Its matter of study is formed by verbs of throwing in two European languages – Russian and English. The research takes root in the studies of Ivtushok (2015; 2016) who encompasses the verbs of throwing in Russian, English, Estonian, German, French, Moksha and Kazakh. Additional perspectives are suggested by analysis of the verbs of throwing in Tamil done by Smirnitskaya (forthcoming), Kashkin (2019) on Izhma dialect of Komi; what is more, Kashkin and Mordashova (forthcoming) explore throwing in Hill Mari and venture off into neighboring semantic domains of distribution in space and destruction (cutting and breaking). Regarding the methods applied in the course of this study, the frame methodology is put to use. Its form that is employed here was proposed by the Moscow Lexico-Typological group and covered extensively in the paper by Rakhilina and Reznikova (2013). What is more, its graphical depiction in the form of semantic maps was introduced by Haspelmath (2003) and adapted to the needs of lexical typology by François (2008).

The data collected within this study covers various usage cases in which verbs of throwing display different meanings. The list of verbs studied includes three English (*to throw, to drop, to toss*) and four Russian verbs (*бросать, кидать, швырять, метать*), all non-phrasal, non-affixal, imperfective and capable of taking on physical objects. The list has been comprised based on the works of Ivtushok (2015) and supported by dictionary studies. This study adds a new layer to the semantic analysis by bringing metaphors with verbs of throwing into the picture. These metaphorical usage cases, as well as direct meanings, are derived based on previous studies, dictionaries and corpus data: those provide information on how common the verbs and their particular frames of meaning are in the language of today. The instances are analyzed, classified and clustered to form frames of meaning. Once groups have been formed and lists of meanings are present for both Russian and English, metaphors and direct meanings are matched. Consequently, several hypotheses linking direct and figurative meanings are suggested for further testing, with their potential assessed. As a result of the study, sixteen frames have been identified for metaphors with verbs of throwing in Russian and English and respective semantic map has been devised. Some examples of those are (1) moving something fast, (2) quitting, and (3) expressing negativity. Notably, the first frame is by far the most common and, in certain contexts, can be expressed by all out of the seven verbs under scrutiny.

What is more, nine hypotheses of links between direct and metaphorical meanings have been formed; their validity has been assessed and further statistical validation suggested. Furthermore, semantic maps suggested by Ivtushok (2015) for the verbs of throwing in

Russian and English have been updated and translated into English to make them more useful for the international scientific community.

In general, matching direct meanings to figurative ones is a novel concept, and verbs of throwing may contribute greatly to the field. What is more, the study at hand may lay foundation for other studies that may broaden the scope of analysis, bring in new facts and observations, and collect an amount of quantitative data high enough to make hypothesis testing valid. Concerning practical value of this study, it may boost development in the sphere of artificial intelligence and machine learning by developing a framework of linking metaphorical meanings to direct ones.

References

Е. И. Ивтушок. Глаголы типа «бросать» в лексико-типологическом освещении // *Типология морфосинтаксических параметров*, 2015. С. 114-122.

Е. И. Ивтушок. К типологии глаголов со значением «бросать» // А. А. Кретов (ред.). *Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов 3*. Воронеж, 2016.

Е.В. Кашкин. Глаголы с семантикой бросания в ижемском диалекте коми языка. Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН. 2019.

Е.В. Кашкин, Д.Д. Мордашова. Полисемия и грамматикализация глаголов бросания: данные горномарийского языка (в печати)

Е.В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания* 2, 2013. С. 3-31.

A. François. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // M. Vanhove (ed.). *From Polysemy to Semantic change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 163–215.

M. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // *The new psychology of language* V. 2. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 2003. P. 211–242.

A. Копецка, B. Narasimhan (ed.). Events of $\left[\begin{smallmatrix} \text{L} \\ \text{SEP} \end{smallmatrix} \right]$ putting and taking: A crosslinguistic perspective. John Benjamins Publishing, $\left[\begin{smallmatrix} \text{L} \\ \text{SEP} \end{smallmatrix} \right]$ 2012. P. 100.

M. Коптjevская-Tamm. Approaching lexical typology // M. Vanhove (ed.). *From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations*. Amsterdam, 2008.

M. Коптjevская-Tamm, E. Rakhilina, M. Vanhove. The semantics of lexical typology // N. Riemer. *The Routledge Handbook of Semantics*, Routledge, 2016. P. 434-454

A. Lehrer. A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives // M. Pütz (ed.). *Thirty years of linguistic evolution. Studies in honour of René Dirven on the occasion of his sixtieth birthday*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1992. P. 243–256.

A. Majid et al. The semantic categories of cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // *Cognitive Linguistics*, 2007.

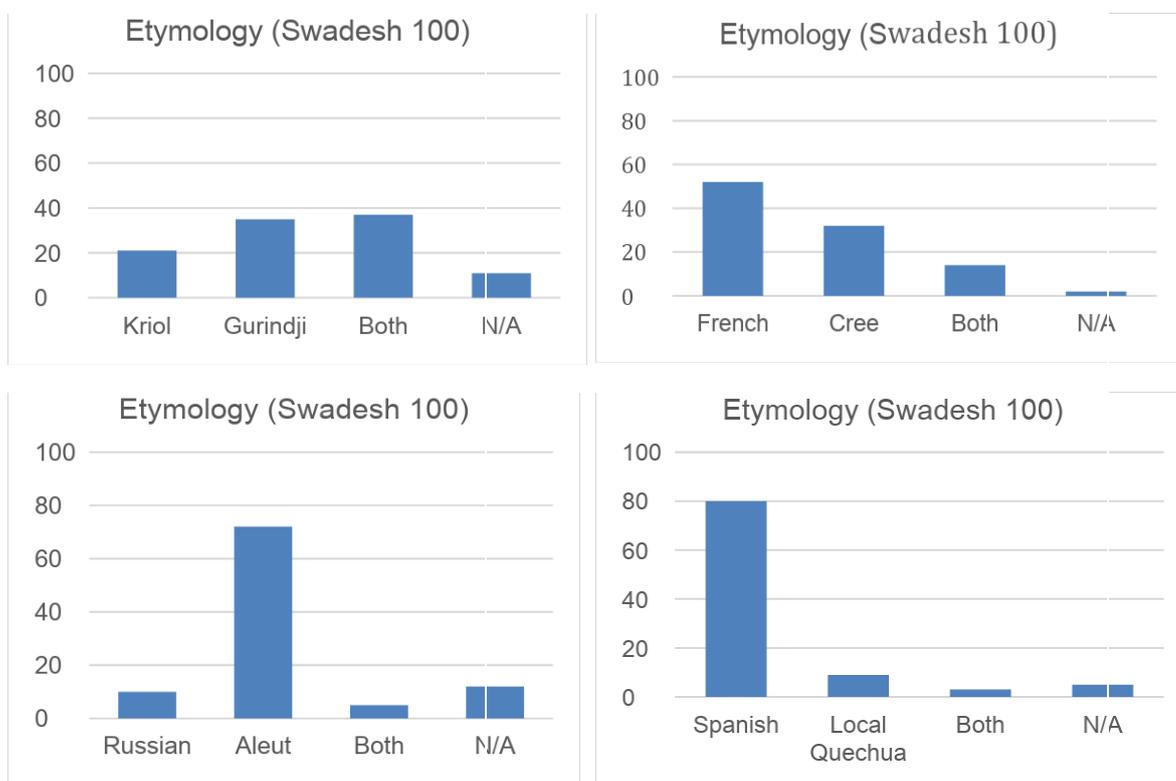
T.I. Reznikova, A. Vyrenkova. Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2015.

TYOLOGY OF MIXED LANGUAGES: SURVEY OF CORE VOCABULARY PATTERNS

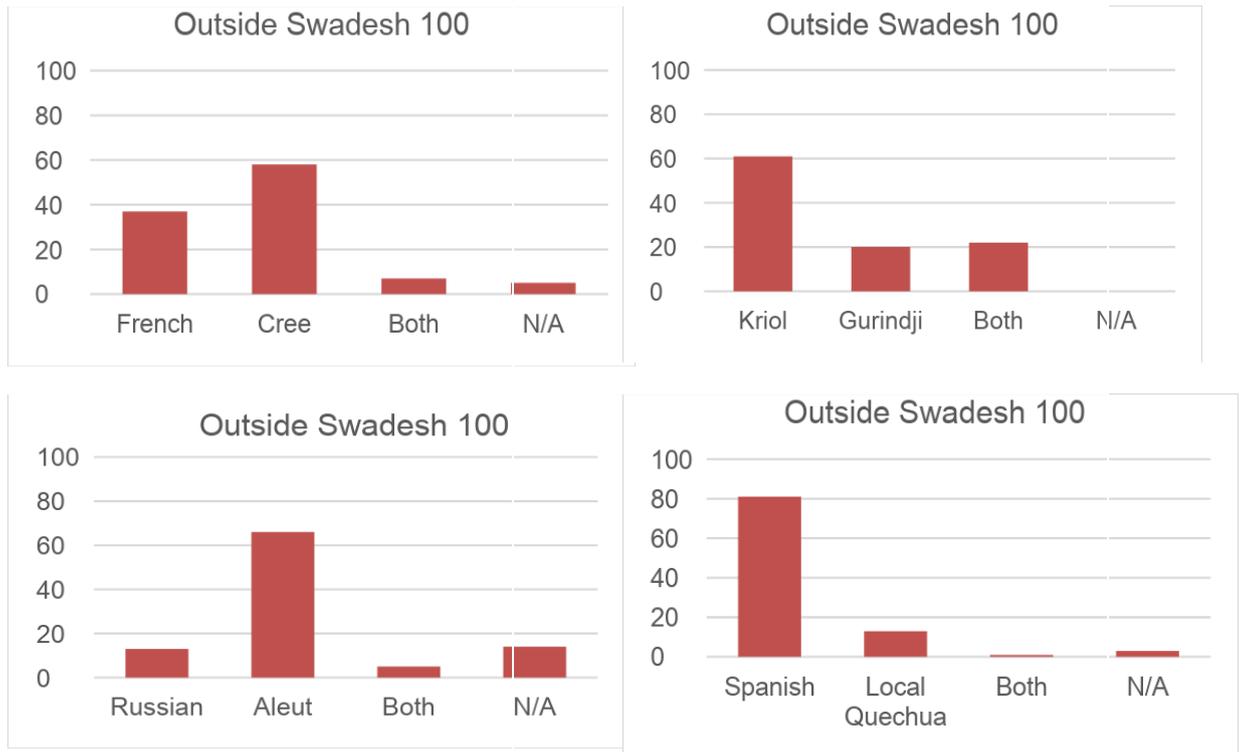
*Гриднева Екатерина Михайловна
(НИУ ВШЭ, Москва)*

Mixed languages have been studied from the typological angle by Bakker (2003, 2015), Meakins (2013; 2018), Muysken (2008). These classifications are based on structural features and historical perspective of the languages. The main aim of this study is to draft the typology of mixed languages in terms of their core vocabulary. The following mixed languages are under the study: Michif, Medny Aleut, Gurindji Kriol and Media Lengua. First, we are going to review the general claims regarding the lexical aspect of the mixed languages under the study. Second, we will examine whether these statements also hold for their core vocabulary. For this purpose, Swadesh lists were used. We take into account the view that for the mixed languages Swadesh lists are useless in terms of building genetic relations. However, we have chosen these lists as a valuable sample of diverse (in terms of word class) and stable vocabulary. What is more, we supplement Bakker's typology by adding our classification which helps to find some more general tendencies. The following results will show the typology of mixed languages in terms of their vocabulary.

If we consider the most stable vocabulary (Swadesh 100), we come up to the following results: Gurindji Kriol and Michif are equally distributed in terms of the basic vocabulary. It is interesting to notice that both of them have bigger proportion of doublets rather than Medny Aleut and Media Lengua. On the contrary, Medny Aleut and Media Lengua have very strong influence of one dominant lexifier language: Aleut and Spanish respectively. However, only Gurindji Kriol has an extremely big number of doublets. This feature is quite unusual for other mixed languages under the study.

Secondly, it is necessary to compare the results of less stable vocabulary – words outside Swadesh 100 but included in Swadesh 200. In this case the situation is changing. Gurindji Kriol became more affected by the dominant lexifier language (which is different from more stable vocabulary and that seems interesting). The same principle works for Michif. The leading language has changed from French to Cree. However, the rest two languages have the same output. Finally, the general trend connected to the less stable vocabulary is the following: languages became more dependent on the leading lexifier language.

Now we can state that only in some languages the vocabulary is evenly distributed while others have very strong influence of the one lexifier language.

As it was mentioned before, Bakker provided structural types of mixed languages. Here we will consider Bakker’s typology with our own.

Mixed languages according to vocabulary composition	One leading lexifier language e.g. Medny Aleut and Media Lengua	Equal distribution of vocabulary e.g. Michif and Gurindji Kriol	Doublets e.g. Gurindji Kriol
---	--	--	---------------------------------

Structural types of Mixed languages (by Bakker)	G-L languages: source of grammar is different from the source of lexicon e.g. Media Lengua	L-INFL languages: verbal and lexical roots from one language and the verbal inflections from another e.g. Medny Aleut	N-V languages: verbs from one language and nouns from another e.g. Michif	V-NN languages: one language provides verb phrase while another does converbs and noun phrase, but the lexicon in noun phrase can be from both languages	V-NN languages: one language provides verb phrase while another does converbs and noun phrase, but the lexicon in noun phrase can be from both languages
---	---	--	--	--	--

As a consequence, it is possible to group mixed languages either using their structural types, or using the lexicon features. In the second case, the groups are wider. This factor can be explained using Bakker's types as well. If we consider the first group where there is one leading lexifier language, in accordance with structural types, Media Lengua has different sources of grammar and lexicon while in Medny Aleut verbal and lexical roots are from one language. These factors provide the reason of the fact that they do not have even distribution of the core vocabulary. One language is always a leading one in terms of the lexicon. Secondly, in N-V languages and V-NN languages the vocabulary is more or less evenly distributed because of the structural features: e.g. verbs and nouns come from different languages.

Bibliography

- Bakker, P. (1997). A language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis (Vol. 10). Oxford University Press.
- Bakker, P. J., & Mous, M. (1994). Mixed languages. 15 case studies in language intertwining.
- Bakker, P., & Muysken, P. (1995). Mixed languages and language intertwining. *Pidgins and creoles: An introduction*, 41-52.
- Bakker, Peter, and Yaron Matras, eds. *Contact languages: A comprehensive guide*. Vol. 6. Walter de Gruyter, 2013.
- Bakker, Peter. "Typology of mixed languages." *Cambridge Handbook of Linguistic Typology*. Cambridge University Press, 2017. 217-253.
- Campbell, L. (2013). *Historical linguistics*. Edinburgh University Press.
- Dikker, S. (2008). Spanish prepositions in Media Lengua: redefining relexification. *Empirical Approaches to Language Typology*, 39, 121.
- Heine, B., & Kuteva, T. (2005). *Language contact and grammatical change*. Cambridge University Press.
- Matras, Y. (2000). Mixed languages: a functional–communicative approach. *Bilingualism: Language and Cognition*, 3(2), 79-99.
- McConvell, P., & Meakins, F. (2005). Gurindji Kriol: A mixed language emerges from code-switching. *Australian journal of linguistics*, 25(1), 9-30.
- Meakins, F. (2014). Language contact varieties. *The languages and linguistics of Australia: A comprehensive guide*, 361-411.
- Meakins, Felicity. "Mixed languages." *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. 2018.
- Muysken, P. C. (1981). Halfway between Quechua and Spanish: The case for relexification.

Myers-Scotton, C. (1998). 12 A way to dusty death: the Matrix Language turnover hypothesis. *Endangered languages: language loss and community response*, 289.

Swadesh, M. (1959). Linguistics as an Instrument of Prehistory. *Southwestern Journal of Anthropology*, 15(1), 20-35.

Thomason, S. G. (Ed.). (1997). *Contact languages: A wider perspective* (Vol. 17). John Benjamins Publishing.

Thomason, S. G., & Kaufman, T. (1992). *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Univ of California Press.

THOMASON, S. K., & Kaufman, T. (1988). T.(1998) *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics*.

Velupillai, V. (2015). *Pidgins, creoles and mixed languages: An introduction* (Vol. 48). John Benjamins Publishing Company.

Головко, Е. В. (2009). *Алеутский язык в Российской Федерации (структура, функционирование, контактные явления)*. Дисс.... докт. филол. наук. ИЛИ РАН, СП.

Головко, Е. В., & Вахтин, Н. Б. (1997). Язык алеутов о. Медный. *Контактологический энциклопедический словарь-справочник*, (1), 303-308.

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ В ЧЕТЫРЕХ ЯЗЫКАХ РОССИИ

Дьячков Вадим Викторович, Плешак Полина Сергеевна, Стойнова Наталья Марковна, Хомченкова Ирина Андреевна
(Институт языкознания РАН / Институт русского языка / МГУ им. Ломоносова, Москва / Университет Мэриленда, Колледж Парк).

В докладе будет представлено корпусное исследование переключения кодов (ПК) на материале четырех коллекций спонтанных устных текстов: двух – на уральских языках (мокшанском, 20104 сл.-употр., и горномарийском, 63 522 сл.-употр.) и двух – на тунгусо-маньчжурских (нанайском, 47411 сл.-употр., и ульчском, 47509 сл.-употр.).

В рассмотрение войдут разные типы русских вставок, встречающиеся в текстах, ср. (1): межклаузальное (i) и внутриклаузальное переключение: однословное (ii), неоднословное (iii), внутрисловное (iv: *рана-џи=də* [рана-прогр=emph] ‘с раной’), включая случаи, промежуточные между ПК и заимствованием.

(1) *Sugdatawa=də gəsə-gəsə burtəci*. (i) А то кто кормить будет. Кормильца одна я. (ii) Господи, tara (iii) в сорок шестом году žižixən tin amin= ambi, bəgdiŋ (iv) рана-џи=də.

‘Рыбу-то между собой делили. А то кто кормить будет. Кормилец одна я. Господи, потом в сорок шестом году вернулся мой отец с раной на ноге. (aid, ульчский)

Цель доклада – дать максимально информативную количественную характеристику структурных типов ПК в нескольких больших коллекциях, пользуясь минимальной разметкой русскоязычных фрагментов, оценить ее информативность и адекватность интуиции, а также сопоставимость с социолингвистической информацией.

1) Каждому слову была приписана помета “язык” (L1 vs. Rus). На основании этой информации, в т.ч. с помощью количественных мер, предложенных в [Guzman et al. 2016a; 2016b; 2017], мы сопоставим типы ПК в четырех коллекциях, а также интенсивность ПК в разных жанрах и у разных носителей.

2) Часть текстов в каждой коллекции мы снабдили ручной разметкой морфосинтаксического типа переключенного фрагмента (морфемы; однословные vs. неоднословные составляющие разных типов; предложения). Для этой подвыборки текстов мы представим количественное соотношение морфосинтаксических типов ПК в разных коллекциях и жанрах.

Полученные результаты будут проинтерпретированы в свете имеющейся социолингвистической информации о данных языковых сообществах и отдельных носителях.

Литература

Guzman, Gualberto A., Serigos, Jacqueline, Bullock, Barbara, and Almeida Jacqueline Toribio.Gualberto. Simple tools for exploring variations in code-switching for linguists // EMNLP-2016: Proceedings of the Second Workshop on Computational Approaches to Code Switching. 2016a.

Guzman, Gualberto A., Ricard, Joseph, Serigos, Jacqueline, Bullock, Barbara, and Almeida Jacqueline Toribio. Moving code-switching research toward more empirically grounded methods // TLT, 15. 2016b.

Guzman, Gualberto A., Ricard, Joseph, Serigos, Jacqueline, Bullock, Barbara, and Almeida Jacqueline Toribio. Metrics for modeling code-switching across corpora // Interspeech. 2017.

СРЕДСТВА СВЯЗНОСТИ КАК ПАРАМЕТР ИДЕНТИФИКАЦИИ ЖАНРА МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

Журавлева Анна Михайловна
(МГЛУ, Москва)

1. **Задачей** исследования является выявление зависимости между требованиями новостного жанра англоязычного медиа дискурса и средствами когезии (прономинальной референцией, субституцией, эллипсисом и др.), типом тематической организации информации (гипертемой, постоянной темой и постоянной ремой, линейной темой и т.д.) а также средствами фокусации (активным залогом, экзистенциальным *there*, косвенным дополнением и проч.). В качестве **метода** исследования использован контент-анализ, позволяющий выявлять числовые закономерности машинным и аналитическим способом на основе больших объемов данных (корпусов текстов). Рассматривается **материал** кратких новостных статей и т.н. бэкграундерз, имеющих тенденцию приобретать черты тематических статей: сформировано 2 корпуса текстов кратких новостных статей и бэкграундерз из англоязычных источников – BBC и Euronews.

2. Из лингвистической литературы известно, что многообразие новостных сообщений порождает жанры, на первый взгляд, слабо различающиеся по коммуникативно-прагматической доминанте – оперативном информировании читателя; тем не менее, они обладают разным набором признаков. Проведенное исследование позволяет сделать ряд существенных **выводов**.

В частности, в кратких новостных статьях, в силу их небольшого объема способ подачи информации (тема-рематическая система) преимущественно ориентирован на гипертему. В бэкграундерз – срочных новостных статьях с элементами анализа – обзор события представлен при помощи системы линейных тема-рематических отношений. Средства когезии и фокусации, в свою очередь, подчинены этим стратегиям текстовой организации. Отсюда – различие приоритетного перлокутивного эффекта статей указанных жанров: расширение информированности с помощью краткого новостного сообщения, ориентированного на фактическое положение дел, vs повышение компетентности адресата и эмоциональный отклик на прочитанное за счет языковой выверенности авторского комментария к событию, структурирования рассуждения в виде последовательности и включения в текст статьи элементов образного восприятия информации. Так, в статье “*EU Unveils First Post-Brexit Budget*”, относящейся к жанру бэкграундерз, три последовательных предложения линейно «продвигают» новостное событие следующим способом: (T₁) *The European Union has unveiled (R₁) its first long-term budget for the post-Brexit era coming in at 1.279 trillion euros for the 2021 to 2027 period* (R₁ - поддержка новостной фактуальности). (R₁ ->T₂) *The departure of Britain* (субституция Brexit+образность), *a net contributor, means (R₂) other member states will have to pay more.* (R₂->T₃) *To plug the gaps* (субституция to pay more+образность) (R₃ -> фокусация на особенностях нового бюджета) *there'll be cuts to agricultural subsidies, but also increased contributions to areas considered to be priorities - such as migration and defense.*²

3. **Новизна** исследования состоит в выявлении языковых критериев более тонкого разграничения медиатекстов новостного жанра. Данная проблематика относится к вопросам грамматики текста и дискурса (когезии и когерентности), функциональной стилистики, лингводидактики и шире – к подготовке журналистов, политтехнологов,
PR-специалистов.

² <https://www.euronews.com/2018/05/02/eu-unveils-first-post-brexit-budget>

ON THE ISSUE OF THE ORIGIN OF THE SALISH SOMATIC LEXICAL SUFFIXES

Ikonnikova Olga Nikolaevna
(RSUE, Rostov-na-Donu)

Lexical suffixes (=LS) are derivational morphemes with a substantive meaning, one of the peculiar morphological features of the Salish language group. The somatic LS constitute a rather large class in the inventory of the LS.

There are different versions of the origin of the LS. According to the traditional salishists' version (Mithun M., Carlson B., Kinkade D., Gerdts D.), grammaticalization of substantive roots in compounds brought forth root-like LS. M. Wiltschko considers that the source of the LS is the incorporated noun (incorporated root).

But S. Bischoff points out that the process of incorporation and compounding is different from lexical suffixation. Unlike incorporation and compounding, the LS shows no signs of derivation (such as the presence of the nominalizer (NOM) *s-* or connective element (CONN) *-el-*). He draws the following examples from Couer'd Alene:

(1) Compounding:

<i>q^wey</i>	<i>el</i>	<i>s-qey-m</i>
finish	CONN	NOM-write-MIDDLE
'He finished writing'.		

In the example (1) we see CONN *-el-* and NOM *s-* in compounding.

(2) Lexical affixation:

<i>q^wey=cn</i>
finish=mouth
'He finished eating'.

In the example (2) the LS (=cn) adjoins the root with no morphology.

Hence S. Bischoff contemplates on the possible diachronic path that the LSs would have been a category of morphemes not derived from nominal incorporation, but that exploited nominal incorporation to acquire new phonological material.

Analyzing Spokane forms comprising LS as bound stem compounds, D. Black ascertains that the rule of compounding formation may have resulted from the reanalysis of biclausal sentences as monoclausal given that the Spokane compound marker *-l-* represents a relic of the *l* clausal subordinator in Salish Interior languages. A. Kuipers argues that the form of sentences which comprise a main clause and a nominalized subordinate clause closely resembles the form of many compounds and consequently syntactic constructions may have been lexicalized resulting in the creation of free stem compounds as well as bound stem compounds (LS). The *-l-* marker of Spokane can be viewed synchronically as a present-day lexical marker as well as a relic of a syntactic marker.

In our research we undertook a morphological and etymological analysis of the somatic LS and stems in the dictionaries and sources on Salish languages. We have come to the following conclusions:

1. In many examples, LSs are not cognate with their stem counterparts, on the contrary, in some cases, body-part stems are cognate with their stem counterparts as one of their constituents.

SQUAMISH, LILLOOET

cucin – ‘mouth’ / *c-* ‘mouth, lip, edge, opening’ (*cu* – ‘say, tell’) and formative *-cin* – only in the word *cucin*.

Lillooet *s-k^wakst* – hand, arm (*s-* NOM, *k^wam* / *k^wan* – ‘to take’, =*akst* - = ‘arm’).

2. We come across some examples demonstrating that the LS adjoins the root with CONN or NOM., cf.:

NORTHERN STRAITS (SAANICH)

- (3) **s-x^w-ʔəp-əl=qən**
NOM-LOC-stroke-CONN=hair
‘comb’

Moreover, the CONN *-el* between a root and an LS is reconstructed to Proto Salish by A. Kuipers.

3. Some somatic LS have verbal origin:

SPOKANE

=*cin* – ‘mouth, food, words, language’ (*cn* – ‘hum, speak softly’);

=*epł* – buttock (*pl* – ‘thick’).

As a result, we are likely to agree with S. Newman that, diachronically, the source of the somatic LS were not nouns, but a special class of prototypical suffixal morphemes, on the one hand. On the other hand, the origin of LS may have been nominalized predicates.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГЕМЫ «НАЦИОНАЛЬНАЯ МЕЧТА» В РУССКОЙ, КИТАЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Калинин Олег Игоревич

(Военный университет Министерства обороны, Москва)

Вопрос формирования государственной идеологии как основы существования и успешного развития страны и процветания народа важен и актуален для любого государства мира. Государственная идеология является своего рода фундаментом, цементирующим все остальные сферы жизни общества.

Основная форма существования идеологии как «доминирующего способа интерпретации социального бытия» [Жукоцкая, 2009: 76] – это, безусловно, язык. Взаимосвязь языка и идеологии можно охарактеризовать как возможность выбора последовательности высказываний и их семантической нагрузки с целью формирования общей системы взглядов у людей с различным способом мышления [Тимофеев, 2018: 188]

Идеология закреплена в сознании народа в виде общественно-политических идеологических концептов, обычно называемых идеологемами. В связи с когнитивной природой идеологемы когнитивно-ориентированный подход к их анализу является наиболее востребованным. В рамках данного подхода разделяется собственно идеологема как многоуровневый концепт и лингвоидеологема как его языковая форма, продукт и материал концептуального осмысления идеологических установок.

Так, в нашей работе мы понимаем идеологему как «многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Мальшева, 2009: 34]

Объектом исследования стал общественно-политический медиадискурс на китайском и английском языках, а предметом исследования стало содержание идеологемы «национальная мечта» в китайской и американской социокультуре, выраженный в текстах СМИ Китая и США.

Целью исследования мы ставим сравнительный анализ идеологемы «национальная мечта» в китайской и американской социокультурах.

Материалом исследования явились новостные сообщения, ведущих информационных агентств КНР, а также медиаресурсов на русском и английском языках. Новостные сообщения и аналитические статьи выбирались методом сплошной тематической выборки с интернет-сайтов указанных изданий. В результате нами было сформированы своего рода тематические корпуса текстов на русском, китайском и английском языках, общим объемом 38861 слов (323756 знаков), 87687 слов (138 000 иероглифов) и 25876 слов (157 000 знаков) соответственно.

Практическая часть исследования представляет собой два этапа: на первом делается акцент на экстралингвистические факторы формирования идеологемы национальной мечты для каждой из лингвокультур, а на втором полученные данные уточняются посредством контент-анализа собранного авторами корпуса медиатекстов по тематике идеологемы. Полученные результаты позволяют говорить о двух типах

идеологем, обнаруживая между исследованными дискурсами значительные отличия в формировании в сознании народа образа национальной мечты.

Литература

Жукоцкая А.В. Феномен идеологии. Самара: Изд-во МГПУ (Самарский филиал), 2009. 272 с.

Мальшева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Екатеринбург: Политическая лингвистика 4(30). – 2009, с 32-40.

Тимофеев С.Е. Идеологема «Русский мир» в современном политическом дискурсе // Москва: Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 9(1). - 2018 г., с. 186—199.

НАСКОЛЬКО И КОГДА НАДЕЖНО ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО ЯЗЫКОВ?

*Коровина Евгения Владимировна
(Институт языкознания РАН, Москва)*

Одной из основных задач сравнительно-исторического языкознания является вопрос об установлении языковой классификации. Сейчас одним из популярных методов такой классификации служит тем или иным образом построенное дерево, построенное при помощи статистической интерпретации данных относительно коротких списков. При этом, как было отмечено многократно, конфигурация полученного дерева до некоторой степени зависит от используемой для его построения модели. Также дерево может видоизменяться и при добавлении новых языков/диалектов.

В докладе на примере анализа списков базисной лексики языков семьи майя будет показано, насколько реальный языковой материал подвергается подобного рода перестройке в зависимости от используемых методов. Так, хотя основные ветви этой семьи (юкатекская, киче, мам и др.) сохраняются при любом из применяемых методов, их конфигурация между собой и внутренняя структура ветвей претерпевают разнообразные изменения.

С теоретической точки зрения, как будет показано в ходе доклада при помощи математического моделирования, это мотивируется тем, что в случае, если между соседними узлами дерева имеется лишь небольшая (в среднем менее 3 слов) разница, то эти узлы дерева в ряде случаев являются неустойчивыми. Такими небольшими величинами характеризуются прежде всего, во-первых, близкородственные языки и диалекты, а во-вторых, случаи последовательного распада праязыка на отдельные подгруппы. Представляется, что в этих случаях из-за большой вероятности ошибки пользование лексикостатистикой затруднительно.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПУЛАР В СОПОСТАВЛЕНИИ С ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИ БЛИЗКИМИ ЯЗЫКАМИ

Косогорова Мария Александровна
(МГУ им. М.В. Ломоносова / Институт языкознания РАН, Москва)

Язык пулар (гвинейский идиом макроязыка фула) имеет достаточно простую, на первый взгляд, систему числительных. Например, как и в других языках мира, они бывают порядковые и количественные, а числительное 'один' имеет свойства адъектива. Однако эта система имеет ряд любопытных особенностей. Так, например, количественные числительные (кроме единицы), предсказуемо не подвержены изменению по категории именного класса (единственная словоизменительная категория в именной группе), но при этом изменяются по категории личности, связанной с именным классом и не зафиксированной более ни в одном классе слов языка. Интересен способ образования порядковых числительных: система, основанная на пятеричной системе счисления, не является типологической редкостью, однако образование части порядковых числительных в фула проводится, в отличие от типологической медианы, путём изменения всех разрядов, а не только линейно последнего.

В докладе рассматриваются эти, а также ряд других, менее ярких, особенностей системы числительных в пулар. Также обсуждается система дробных числительных, ранее довольно фрагментарно описанная в литературе. Данные пулар для исследования взяты, по большей части, из собственных полевых материалов автора с использованием общеизвестных грамматик (Diallo 2000), (Arnott 1970) и учебного пособия (Evans 2001). Данные пулар сопоставляются с доступными данными по аналогичным системам родственных пулар языков, волоф (по (Diouf 2009)) и темне (по (Scott 1956) и (Bangura 1978)).

Библиография

- Diouf, J. L. 2009. Grammaire du wolof contemporain. Paris: L'Harmattan.
Bangura J. S. 1978. Temne language manual. Sierra-Leone: Peace Corps.
Scott, J. P. L. 1956. Introduction to Temne grammar. Sierra-Leone: Government Publishers, 1956.
Evans, B. 2001. Teaching Grammar of Pular. Christian Reformed World Missions.
Arnott, D. W. 1970. The nominal and verbal system of Fula. Oxford: Clarendon Press.
Diallo, A. 2000. Grammaire descriptive du pular du Fuuta Jaloo (Guinée). Frankfurt am Main: Lang.

КОРПУС ЯЗЫКОВ ГРУППЫ КОРАПУТСКИХ МУНДА: ЗАДАЧИ И СПЕЦИФИКА

*Крылова Анастасия Сергеевна, Ренковская Евгения Алексеевна
(Институт Востоковедения РАН / Институт языкознания РАН, Москва)*

Доклад посвящен создаваемому авторами электронному корпусу текстов на языках группы корапутских мунда (сора, гутоб, бонда), который планируется разместить в сети Интернет весной 2020 г. Корапутские мунда распространены в Индии на границе штатов Орисса и Андхра-Прадеш и все в той или иной мере находятся под угрозой исчезновения. Тексты на этих языках были собраны в ходе трех экспедиций в штат Орисса (Индия) в 2016-2018 гг. Носители корапутских мунда проживают некомпактно, отдельными общинами, различающимися вероисповеданием, историческим родом занятий, диалектами, а также штатом проживания и, соответственно, влиянием разных официальных языков штатов на родной язык. Так, например, среди народности сора выделяются баптистская, католическая, анимистская и неоиндуистская религиозные общины, а также община автохтонного культа Матар Баном. Для языка сора существуют четыре вида письменности с разной степенью стандартизации. Поэтому одна из основных задач корпуса – представить в своем составе тексты различных жанров и разных сфер бытования языков.

На данный момент в корпус вошли устные и письменные тексты, поэтические и прозаические, религиозного, фольклорного и бытового содержания. Особый интерес уделяется песням-импровизациям – автохтонному жанру мунда. Устные тексты представлены как в фонологической записи, так и в аудио- и видеофиксации. Подкорпус письменных текстов, представленных в различных графических записях, содержит как тексты, относящиеся к определенному письменному жанру и написанные информантами (например, брачное письмо в общине сора-баптистов), так и образцы печатной продукции (религиозной, учебной, просветительской). Тексты снабжены морфологической разметкой и переводом на русский и английский языки. Каждый текст сопровождается подробной социолингвистической и жанрово-специфической информацией.

Данный проект представляет собой первый электронный корпус языков мунда на сегодняшний день и призван не только сделать языковые материалы корапутских мунда доступными для мировой науки, но и быть полезным для преподавания, языкового строительства и сохранения культурного наследия в регионе распространения, в частности в рамках государственной программы Индии Multi-Language Education (MLE), подразумевающей преподавание на родном языке для младших классов школы.

ОБ ИСТОРИИ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА В РЕГИОНЕ ВАЛЬ Д'АОСТА (ВАЛЛЕ Д'АОСТА)

*Курбанова-Ильютко Камилла Искандеровна
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)*

В предлагаемом докладе будет представлена история термина 'французский язык второй' (*français langue seconde*), берущего свое начало, в первую очередь, в работах по методике преподавания французского языка³ и только впоследствии перешедшего в область социолингвистики⁴. Если до 1980-х годов выделялась дихотомия французский язык родной (*français langue maternelle*) – французский язык иностранный (*français langue étrangère*), то со второй половины XX века в связи с освобождением бывших французских и бельгийских колоний назревал вопрос о статусе французского языка в новых самостоятельных странах. Как правило, французский язык продолжал выполнять функции государственного языка в данных постколониальных странах (за исключением стран Магриба, установивших в качестве единственного официального арабский). При сложившемся многоязычии стало очевидным, что французский не был 'иностраным языком', но и не стал родным для большинства населения, что привлекло внимание лингвистов и послужило основой для разработки нового направления контактной вариантологии, а именно понятия 'второго языка' во франкоязычном пространстве.

Интересно, что рассматриваемый концепт 'второго языка'⁵ применим не только к странам Африки (а также другим регионам, куда французский был привнесен искусственно), но и к такому традиционно франкоязычному региону Европы, как Валь д'Аоста. Лингвистическая история Долины Аоста сложилась так, что французский язык, будучи основным языком с XI по XIX вв., утратил позиции официального с момента вхождения региона в состав Республики Италия и подвергся в дальнейшем целенаправленному искоренению. Только с 1948 г. ему был возвращен статус соофициального языка наравне с итальянским. Логическим следствием проводимой языковой политики стал языковой сдвиг: из 'французского родного' для большинства вальдостанцев он стал 'французским вторым'.

Выводы о современном статусе французского языка для жителей Валь д'Аосты делается на основании результатов социолингвистических опросов трех исследовательских групп: опрос Фонда Э. Шану 2001-2002 гг., опрос М. Кавалли, Д. Колетта, Л. Гажо, М. Маттей, Ч. Серра 2003 г. и наши собственные социолингвистические анкетирования 2015 – 2019 гг., отражающие наиболее актуальные тенденции развития языковой ситуации в Валь д'Аосте в последние годы.

---

³ См. J.-P. Cuq. *Le français langue seconde*. P., 1991.

⁴ См. М.М. Ngalasso. « Le concept de français langue seconde » in *Études de linguistique appliquée*, №88, p. 27-38.

⁵ О термине 'французский язык второй' (FLS) в его новой интерпретации см., например, M. Verdelhan-Bourgade. *Le français de scolarisation. Pour une didactique réaliste*. P., 2002.

**ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
КАК МАРКЕР ЭГОЦЕНТРИЗМА ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Б. АКУНИНА «ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ»)**

*Лошанина Мария Николаевна
(ИГУ, Иркутск)*

Решение проблем, связанных с аспектом «человек в языке», привело к появлению и развитию теорий эгоцентризма языка

В данном исследовании мы вслед за Ю. С. Степановым будем понимать под эгоцентризмом «отношение языка к говорящему», которое основано на «присвоении себе языка в момент – и на момент – речи» [Степанов Ю. С. 1985, с. 223].

Говорящий обнаруживает себя в тексте благодаря особым маркерам, которые Е. В. Падучева определяет как **эгоцентрические элементы**.

Е. В. Падучева не выделяет *вставные конструкции*, которые являются предметом нашего исследования, в качестве эгоцентриков, однако они, как представляется, также являются показателями субъективной модальности.

В данной работе мы опираемся на определение **вставных конструкций**, предложенное Г. Н. Акимовой [Акимова Г. Н. 1990, с. 59].

Все проанализированные нами контексты мы разбили на три группы.

I группа – контексты, в которых вставная конструкция маркирует речь того же субъекта (повествователя/персонажа), которому принадлежит и основное предложение.

(1) *В первую неделю внесло всего десять человек (из них девять подставных, самим же Момусом нанятых) [2; с. 31].*

II группа – контексты, в которых вставная конструкция маркирует речь субъекта, которому не принадлежит основное предложение.

(2) *Момус скушал сандвич с бужениной (ну его, Пост Великий), отпил из крышечки «шустовского», а там по аллее и еропкинские сани подкатали [2; с. 117].*

III группа – контексты, в которых трудно определить, чью речь маркирует вставная конструкция. Е. В. Падучева считает, что такая «неоднозначность атрибуции голоса» является особой целью автора, и рассматривает ее как особый авторский прием.

(3) *Анисий захлопал глазами, и шеф счел нужным добавить (только яснее от этого не стало) [2; с. 78]*

В (3) контексте вставная конструкция может как маркировать речь повествователя, который с помощью вставки дополняет содержание основного предложения, так и СКД персонажа Анисия, который тем самым передает свои ощущения от беседы с Фандориным.

Анализ повести Б. Акунина «Пиковый валет» показал, что можно рассматривать вставные конструкции как особый прием игры автора с читателем, состоящий в зашифровке наблюдателя, с чьей точки зрения комментируется ситуация во вставке. На основании этой текстовой функции вставок следует включить их в ряд эгоцентрических элементов.

Литература

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. Пособие. – М.: Высш.шк., 1990. – 158 с.
2. Акунин Б. Особые поручения: роман / Борис Акунин; [худож. И. Сакуров]. – М.: «Захаров», 2016. – 336 с.
3. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
4. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ С СЕМАНТИКОЙ ‘ПОКА НЕ’ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОТРИЦАНИЕ, АСПЕКТ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Муравьев Никита Алексеевич
(НИУ ВШЭ, Москва)

Одним из обсуждаемых типов темпоральных конструкций являются конструкции прерывающего следования [Храковский 2009; Dixon 2009], в структуре которых есть отрицательный оператор, как у англ. *until* [Karttunen 1974, Mittwoch 1977], либо эксплицитный маркер отрицания, как у рус. *пока не* [Барентсен 2014; Падучева 2014; Татевосов 2016]. Не менее интересен материал уральских языков (ср. удмуртский в [Georgieva 2017]), в которых есть специализированные деепричастия следования.

В докладе на полевом элицитированном материале говора с. Кузнецово республики Марий Эл (2019) анализируется горномарийское деепричастие на *-meškä*, семантика которого складывается из взаимодействия аспекта, порядка слов и информационной структуры. Цель исследования — установить, имеется ли в семантике формы оператор отрицания и какую роль он выполняет. Так, в (1) и (2) представлены конструкции прерывающего следования с зависимой клаузой в фокусе. В (2) при этом прерывается не само событие сна, а его «состояние ненаступления» [Падучева 2008: 8], что имплицитно подразумевает его осуществление после включения света.

(1) *tädä sv'et-äm čüktä-meškä amal-en.*
он свет-АСС зажигать-CVB.LIM спать-PRET
{Как долго Маша спала?} ‘Она спала ДО ВКЛЮЧЕНИЯ СВЕТА’.

(2) *tädä sv'et-äm jör-tä-meškä amalâ-de.*
он свет-АСС гаснуть-CAUS-CVB.LIM спать-NEG.PRET
{Как долго Маша не спала?} ‘Она не спала ДО ВЫКЛЮЧЕНИЯ СВЕТА’.

Если же при главном отрицании в зависимой клаузе оказывается данная информация, возникает еще одна интерпретация контрастного топика (б) со «смещенным отрицанием» [Падучева 1974].

(3) *tädä keče lük-meškä amalâ-de*
она солнце выйти-CVB.LIM спать-NEG.PRET

(a) {Как долго Маша не спала?} ‘Она не спала ДО ВОСХОДА СОЛНЦА’.

(б) {Маша спала прямо до восхода солнца?} ‘ДО ВОСХОДА СОЛНЦА она НЕ СПАЛА’.

Возможность смещения отрицания на зависимое событие является весомым аргументом в пользу отсутствия в семантике *-meškä* отрицательного оператора. Взамен предлагается считать, что *-meškä* задает нейтральный пропозициональный интервал до момента зависимого события, заполняемый истинностным значением главного события. В докладе будут освещены следствия этого наблюдения для теории и типологии конструкций следования.

Список сокращений

ACC — аккузатив, CAUS — каузатив, CVB — деепричастие, LIM — лимитив, NEG — отрицание, PRET — претерит.

Литература

Барентсен А. 2014 Проблемы описания союза пока. Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International Committee of slavists, ed. by. Nomachi M., Danylenko A., Piper P. München, Berlin: Verlag Otto Sagner. 377–410.

Падучева Е. В. 1974. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка). М.: Наука.

Падучева Е. В. 2008. Имперфектив отрицания в русском языке. Вопросы языкознания. 3. 3–21.

Падучева Е. В. 2014 Эксплетивное отрицание и семантика союза ПОКА. Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика: сборник статей, ред. Даниэль М. А., Лютикова Е. А., Плунгян В. А., Татевосов С. Г., Федорова О. В. СПб.: Алетейя. 339–350.

Татевосов С. Г. 2016. Заметки о незаметном отрицании. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 10. 312–329

Храковский В. С. 2009. Таксис: семантика, синтаксис, типология. Типология таксисных конструкций. Отв. ред. В. С. Храковский. М.: Знак. 11–113.

Dixon R. M. W. The semantics of clause linking in typological perspective The Semantics of Clause Linking. A Cross-Linguistic Typology. Explorations in Linguistic Typology, ed. by Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. Oxford: OUP.

Georgieva, E. 2018, Non-finite adverbial clauses in Udmurt. Doctoral dissertation, University of Szeged.

Karttunen L. 1974. Until. Chicago linguistic society, vol. 10: Papers from the Tenth Regional Meeting (April 19–21, 1974). Chicago. 284–297.

Mittwoch A. 1977. Negative sentences with until. Chicago linguistic society, vol. 13: Papers from the Thirteenth Regional Meeting (April 14–16, 1977). Chicago. 410–417.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОТИВОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Нигматуллина Элина Рустемовна
(МГЛУ, Москва)

Целью нашего сообщения является демонстрация существенной роли, которую играет концептуальная метафора в реализации эмотивов в англоязычных газетных / журнальных текстах политической тематики. *Материал* отбирался из таких источников, как *The Times*, *The Washington Post*, *The Week*, *The Economist*, *The Guardian*, *The Wall Street Journal*, опубликованных в период с 2017 по 2019 годы. Предварительное исследование показало, что эмотивы, реализующиеся в рассматриваемых текстах, можно разделить на шесть смысловых зон («чистые» / базовые эмоции; эмоциональные состояния; эмоционально-интеллектуальные состояния; выражения эмоциональных реакций; лексические единицы с устойчивой ассоциацией с эмоциями; а также указания на события и действия, формирующие эмотивный фон).

Изучение языкового материала показало, что эмотивы (особенно обозначения базовых эмоций), реализуясь в тексте, могут выступать как репрезентант концептуальной метафоры, прежде всего, метафорического концепта *персонификации*:

- (1) America *loves* a capitalist reckoning the way the NFL *loves* Colin Kaepernick. [The Time USA, 02.12.2019: 44].

Обозначения эмоциональных реакций могут также быть репрезентантами концептуальной метафоры *огня (высокой температуры)*:

- (2) The president was reportedly *fuming over* the indictments (...) [The Week 10.11.2017: 4].

В тексте обнаруживаются и более сложные контексты, где персонификация может сочетаться с другими метафорическими концептами, например, с медицинской метафорой, представляя проблемы общества как его временное болезненное состояние:

- (3) And even as the government claims a *wish* to *salve* human misfortune, in parliamentary debate it rejected a proposal (...). [The Economist, 14.12.2019: 11].

Проведённое исследование показало, что в англоязычных текстах политической тематики эмотивы реализуются в одном контексте с такими метафорическими концептами, как: метафора *ПУТЕШЕСТВИЯ, ВОДЫ, РАСТЕНИЯ, СПОРТА* и *ИГРЫ*, позволяя описать чувства и эмоции участников происходящего и формируя наглядную картину медиасобытия.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КЛАСТЕРИЗАЦИИ В РЕШЕНИИ
ВОПРОСОВ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАРЕЛЬСКОГО
И ВЕПССКОГО ЯЗЫКОВ)**

*Новак Ирина Петровна
(Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск)*

На протяжении трех лет сотрудниками сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН совместно с коллегами из Финляндии ведется работа над компьютерной программой, позволяющей применять статистический метод, а именно алгоритм иерархического агломеративного кластерного анализа, к предварительно закодированным диалектным данным.

Апробацию программа успешно прошла на материалах «Диалектологического атласа карельского языка» (Бубрих Д.В., Беляков А.А., Пунжина А.В., 1997), содержащего 206 карт, отражающих фонетическую, морфологическую и лексическую системы 186 карельских говоров Республики Карелия и Тверской области, т.е. более 38 тыс. диалектных единиц. На начальном этапе работы диалектные данные кодируются. На базе закодированного материала программа создает таблицы отличий между всеми пунктами картографирования, а уже на основании этих отличий по заданным параметрам – кластеры, объединяющие наиболее схожие говоры. Далее процедура повторяется, кластеры объединяются в более крупные группы до тех пор, пока все пункты не окажутся в одном крупном кластере (языке).

Новым этапом работы стало применение метода кластерного анализа к материалам «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (под ред. Ю.С. Елисеева и Н.Г. Зайцевой, 2007), содержащего 45 тыс. лексических диалектных единиц. Анализ материалов данного словаря позволил проследить историю формирования наречий карельского языка и их диалектов, а также наметить основные направления их взаимодействий с родственными языками, в первую очередь с вепским.

Применение программы кластеризации, базирующейся на традиционном в лингвистической географии методе проведения изоглосс и объединения их в пучки, дает возможность с разных сторон анализировать огромный массив диалектных данных в кратчайшие сроки. Применение метода к материалам карельского языка (с учетом вепских данных) позволило, во-первых, решить основные проблемы его диалектного членения, такие как определение статуса людиковских говоров и говоров приграничной Карелии, во-вторых, наметить диалектные границы и, в-третьих, разработать лингвистически-обоснованную классификацию карельских диалектов, отличную от традиционной, основанной на административном принципе. В ходе работы впервые документально на языковых данных удалось подтвердить факт единства трех наречий карельского языка, которые финской и эстонской лингвистическими школами признаются за отдельные языки.

Междисциплинарная методика может быть успешно применима к материалам любых языковых систем, а также к изучению различных вопросов диалектологии и языкознания.

ТЕОРИЯ ГРАУНДИНГА В КОНВЕРСАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПЕРЕХОДОВ ХОДА В ОНЛАЙН-ЧАТЕ)

Новокрестьянских Екатерина Владимировна
(ТюмГУ, Тюмень)

Ключевые слова: конверсационный анализ (conversation analysis = CA), переход хода (turn-taking), граундинг (grounding), координационные издержки (coordination costs)

Исследование выполнено в рамках теории конверсационного анализа. Объект исследования - онлайн-чат как форма общения в социальных сетях и других онлайн-мессенджерах, предмет - характеристики turn-taking (перехода хода) в онлайн-чате.

Мы исходим из гипотезы, что в ситуации компьютерно-опосредованной коммуникации решительным трансформациям подвергается координация общения между собеседниками, в частности, переход речевого хода от одного собеседника к другому (англ. turn-taking). В соответствии с данной гипотезой *цель исследования* - выявить отличия координации перехода хода в онлайн-чате от координации в ходе непосредственного общения.

Для достижения поставленной цели мы применили теорию граундинга, изложенную в классической статье Х. Кларка и С. Бреннан [Clark, Brennan 1991]. Термин *grounding* можно перевести на русский язык как “общая установка” или “взаимопонимание”, однако мы предпочитаем пользоваться транслитерированным термином “граундинг” именно в том значении, которое закладывали в него авторы: “коллективный процесс, с помощью которого участники стараются достичь (...) общих представлений”. Последнее определение является более точным, т.к. предполагает не только исходное наличие у собеседников общих установок и представлений (mutual belief), но и сам процесс координации содержания [Clark, Brennan 1991].

Новизна исследования состоит в применении понятия “граундинг”, используемого Кларком и Бреннан по отношению к синхронному и асинхронному общению, к квазисинхронным опосредованным формам общения, к которым мы относим онлайн-чат. Мы показываем, как реализуется координация между собеседниками в квазисинхронном общении, и последовательно оцениваем *координационные издержки*, которые несут собеседники на стыке речевых ходов (т.е. при переходе хода от одного собеседника к другому).

Исследование состоит из двух этапов.

I этап - диагностика координационных издержек. Нами был отобран материал в виде 300 высказываний пользователей соцсетей и мессенджеров (WhatsApp, Viber, Vk.com), представленных в открытых онлайн-коллекциях (форумах, сообществах и пр.). Мы соотнесли негативные наблюдения пользователей с классификацией издержек Сакса, Щеглоффа и Джефферсона (1992) и выявили, что в ситуации квазисинхронного общения все издержки затрагивают процесс перехода хода и влияют на него. Например, квазисинхронное чат-общение часто ставит под вопрос даже хронологическую очередность ходов, поскольку, в отличие от синхронного (непосредственного разговора) и асинхронного общения (электронной почты), очередность в квазисинхронном чате может быть технически обратима, что приводит к серьезным координационным нарушениям: так, один собеседник имеет техническую возможность полностью удалить или отредактировать содержание реплики, на которую уже получен ответ другого собеседника.

II этап - на этом этапе мы обратились к области *humour studies* (исследованиям юмора), поскольку через юмор наиболее проблемные диагностируются самими пользователями быстрее и с большей остротой, чем путем прямой рефлексии. Мы рассмотрели координационные издержки на примере 250 русско- и англоязычных визуально-текстовых мемов, отобранных путем случайной выборки через поисковую систему по ключевым словам, характеризующим проблемы онлайн-коммуникации (например, юмор вокруг *double blue tick* (“двойной голубой галочки”) - символа, обозначающего факт прочтения сообщения собеседником в мессенджере WhatsApp).

На основе проанализированного материала координационные издержки квазисинхронного общения последовательно сопоставлены с соответствующими издержками синхронного и асинхронного общения, приведены стратегии поведения коммуникантов. Осуществлена попытка сопоставить полученные данные с рекомендациями в области интернет-этикета (“нетикета”) на примере критического анализа телеграм-канала «Цифровой этикет».

Литература

Clark, Herbert H.; Brennan, Susan E. *Grounding in communication // Perspectives on socially shared cognition* / Resnick, L. B.; Levine, J. M.; Teasley, J. S. D. (eds.). Washington: American Psychological Association, 1991.

Sacks H. *A simple systematic for the organization of turn-taking in conversation* / H. Sacks, E. A. Schegloff, G. Jefferson // *Language*. № 50 (4). December 1974. P. 696-735.1992. № 2. С.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД ‘ПОДНЯТЬ’ → ‘ОТМЕНИТЬ’ В ЕГО КОГНИТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Орлова Мария Владимировна
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В докладе рассматривается ряд семантических переходов, формирующих единую цепочку значений, которую по крайним звеньям можно обозначить как ‘to take up’ → ‘to abolish’ (‘поднять’ → ‘отменить’). Семантический переход вслед за работами Анны А. Зализняк понимается как «наличие некоей концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах “одного слова в широком смысле”» (в полисемии, в семантической эволюции слова, в его словообразовательной парадигме). Высказывается предположение о вероятной когнитивной основе семантического развития глагольных лексем с исходным значением ‘to take up’, которая представляется общей для значительного количества языков.

С опорой на толковые и этимологические словари исследуются реализации соответствующих переходов в 11 языках (греческой, германской и романской групп): др.-гр. *αἶρω* и *ἀναρῶ*, англ. *lift*, нем. *aufheben*, нид. *opheffen*, норв. *heve* и *oppheve*, дат. *hæve* и *ophæve*, шв. *häva* и *upphäva*, лат. *levo*, фр. *lever* и *enlever*, ит. *levare*, исп. *levantar*. Характеризуются общие черты, присущие анализируемой цепочке переходов во всех рассматриваемых языках, и различия в ее составе и соотношении между значениями: так, переходы могут быть представлены случаями синхронной многозначности, семантической эволюции, морфологической деривации. Анализ материала позволяет заключить, что механизм развития значений исследуемых лексем в соответствии с основными положениями когнитивной лингвистики демонстрирует движение от конкретного значения перемещения объекта к абстрактному значению отмены официального постановления.

В структуре цепочки, которая прослеживается в словарных описаниях соответствующих лексем и представляется закономерной с учетом типологических исследований семантической деривации (от базовых физических действий к более сложным и далее к абстрактным ситуациям – см. понятие топологической схемы), находит отражение идея последовательного увеличения дистанции между перемещаемым объектом и его исходным местоположением, что служит основой для возникновения значений ‘to take off’ (‘снять’) и ‘to take away’ (‘унести’). На последних шагах деривации идея удаления предмета из данного пространства достигает максимально полного воплощения в значениях ‘to destroy’ (‘уничтожить’) и ‘to abolish’ (‘отменить’). Отмечается различный механизм развития новых значений глагола: четыре из пяти производных значений являются метонимическими, тогда как значение ‘to abolish’ имеет метафорическую природу.

Отдельное внимание уделяется материалу латинского языка в сравнении с современными романскими, поскольку развитие значений латинского глагола *levo* демонстрирует иную схему концептуализации явлений действительности. Разнообразие реализаций сложного перехода ‘поднять’ → ‘отменить’ в языках мира позволяет заключить, что он имеет особую значимость для лексико-семантической типологии как распространенный способ концептуализации действительности.

АНКЕТА ДЛЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАРИТИВА

Оскольская Софья Алексеевна

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

В докладе будет представлена анкета, разработанная для типологического исследования способов выражения каритивной семантики. В данном случае, анкета понимается в традициях Ленинградской/Петербургской типологической школы и представляет собой список вопросов об устройстве некоторого явления в языке X, т. е. вопросы обращены к специалисту по этому языку, а не к носителю.

Цель типологического исследования каритива, для которого составлена анкета, заключается в сборе и анализе данных о способах выражения каритива в языках мира. Каритив описывает невовлеченность (в частном случае отсутствие) в ситуации некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является семантическим модификатором другой ситуации / участника другой ситуации (ориентира). Так, в русском языке каритив выражается предлогом *без* и приставкой *без-/бес-*. Хотя во многих языках нет специального показателя каритива, допускается, что каритивная семантика может быть выражена тем или иным способом в любом языке мира.

В основу составления анкеты легли следующие принципы:

- 1) она должна отражать многообразие способов выражения каритива и его частных значений;
- 2) большинство вопросов должны быть применимы к любому каритивному выражению, будь то падежный показатель (как в эстонском), клитика или адлог (как в русском), аппликатив (как в барупу, языке Папуа Новой Гвинеи) или перифрастическая конструкция типа отрицания комитатива, глагольного отрицания и т. п. (как в гбан, сери и мн. др.);
- 3) данные должны быть доступны для статистической обработки (большинство вопросов предполагают ответ «да» = 1 или «нет» = 0).

Анкета включает в себя три группы вопросов. Первая группа посвящена грамматическим свойствам каритивной конструкции, во второй группе рассматриваются семантические свойства каритивного выражения, третья группа связана с информационной структурой.

В докладе будут подробно рассмотрены отдельные вопросы анкеты и связанные с ними проблемы, будут приведены предварительные данные из разных языков мира.

ДИАЛЕКТИКА ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВИЛО VS СОВРЕМЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

*Петрова Любовь Сергеевна
(МГЛУ, Москва)*

1. Изучение изменений, происходящих в языке, является важным направлением лингвистической науки. В сообщении предлагается анализ грамматических неточностей – узуальных явлений в дискурсе, возникающих под влиянием различных коммуникативных потребностей. В качестве источника наблюдений используются материалы конференций TED Talks - публичных выступлений на различные темы в интервале с 2009 по 2017 год.

2. Методологически, описание грамматических нарушений в речевой деятельности говорящего основывается на сравнении традиционного и функционального подходов. Коммуникативные потребности говорящего (в ассимиляции, дифференциации, краткости, неизменяемости, экспрессивности), действующие как по-отдельности, так и в различных конфигурациях и понимаемые здесь как причина грамматических девиаций, выделяются вслед за исследователями французской школы дискурсивного анализа. Так, например, в высказывании “*You know, as I've gotten older, I've understood more the importance of friendships*” можно отследить взаимодействие трех потребностей: 1) в экспрессивности – множественное число неисчисляемого абстрактного существительного привлекает внимание аудитории; 2) в краткости – вместо «*various friendly relations*» используется одно слово; 3) в ассимиляции – множественное число существительного образуется с использованием нормативного суффикса –s. В ходе исследования обнаружены и сгруппированы регулярные «ошибки» англоязычных говорящих: морфологические (видовременные формы глагола, склонение местоимений и др.), синтаксические (согласование времен, согласование подлежащего со сказуемым и др.), смешанные (времена в условных предложениях, использование причастий и др.).

3. В большинстве случаев допускаемые нарушения норм не приводят к существенному искажению смысла, а наоборот, делают сообщение более точным и выразительным. Имея тенденцию регулярно встречаться в речи, обнаруженные девиации могут быть со временем приняты языком. Таким образом, описывая узуо-ориентированные факты отклонений от грамматической нормы, мы получаем возможность прогнозировать состояние английского языка в будущем.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АССОЦИАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ МАГАЗИН В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

*Полянская Анастасия Геннадьевна
(Институт языкознания РАН, Москва)*

В рамках исследования сопоставляются данные РАС, ЕВРАС, СИБАС и толковых словарей, а также результаты собственного ассоциативного эксперимента.

Целью работы является оценка влияния социальных, экономических, политических и технологических факторов на лексическое и ассоциативное значение слов «магазин», «купить», «оплата», «продажа» (изменение экономической ситуации в стране, завершение периода дефицита, количественное и качественное изменение ассортимента, увеличение количества точек продаж, изменение формата магазинов, частичный переход торговых отношений в онлайн).

Анализ реакций показывает, что наибольшие трансформации ассоциативного значения слова «магазин», также как и слова «купить» связаны с изменением экономико-политической ситуации. Так, для слова «магазин» из ядра значения уходят реакции, связанные с очередями и пустыми прилавками, их сменяют реакции, подчеркивающие продовольственное изобилие и возможность купить все необходимое. Есть также факторы, указывающие на тенденцию к глобализации. Например, можно отметить изменение в ассоциативном значении слова «продажа» с локального на международное.

Основным ассоциативным значением для проанализированных стимулов, связанных с приобретением товара, является совершение товарно-денежных отношений оффлайн. Реакции, отражающие совершение сделки в интернете, находятся на периферии и представлены единичными значениями. Эту же тенденцию подтверждают данные собственного эксперимента, где в качестве стимула представлен креолизованный текст, представляющий собой страницу интернет-магазина. Однако важно отметить, что в современных региональных словарях (ЕВРАС и СИБАС) отражено уменьшение ассоциативной взаимосвязи между словом «продажа» и привязкой к конкретным местам и способам продажи.

**УСТОЙЧИВЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ С
КОМПОНЕНТАМИ
СОВЕРШАТЬ / СОВЕРШИТЬ В ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ
(ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

*Русанова Оксана Сергеевна
(УдГУ, Ижевск)*

В текстах официально-делового стиля современного русского языка встречаются сочетания типа *произвести впечатление, представить интерес, совершить деяние* и др. Такое явление в научной лингвистической литературе называется по-разному, мы же будем использовать термин «устойчивые глагольно-именные сочетания» (УГИС). Известно, что именные и глагольные компоненты в подобных сочетаниях могут варьироваться, что вызывает некоторые затруднения в употреблении УГИС.

Целью настоящего исследования является структурно-семантический анализ УГИС с компонентами *совершать* «делать, осуществлять, производить» и *совершить* «сделать, осуществить, произвести» в современных и старорусских деловых текстах.

В словарях устойчивых сочетаний приводится 44 интересующих нас сочетания (*совершать / совершить побег, подвиг, грех, насилие* и т.д.), в современных деловых текстах НКРЯ мы обнаружили 15 сочетаний: *совершать / совершить деяние, преступление, сделки, действие, убийство, покушение* и др. Практически все сочетания являются устойчивыми, при этом некоторые из них не закреплены в словарях, например, *совершать / совершить деяние*, которое в текстах корпуса встречается очень часто (более 50% употреблений).

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» представлены примеры употребления данных глаголов (*свьршати / свьршити дѣло, погребение, службу, трудъ* и др.), однако в словарной статье не приведено ни одного устойчивого сочетания. Возникает закономерный вопрос, были ли устойчивые сочетания с этими глаголами в принципе? Чтобы ответить на этот вопрос, можно обратиться к данным НКРЯ, который является хорошим инструментом для определения частотности того или иного сочетания, в нем собрано большое количество современных и исторических текстов, распределенных по стилям и жанрам.

В НКРЯ мы выбрали примеры употребления этих глаголов в старорусских грамотах и обнаружили 7 сочетаний, самыми частотными из которых являются *свьршати / свьршити радение* «прилагать / приложить усилие, проявлять / проявить старание», *свьршати / свьршити службу* «делать / сделать дело, работу», *свьршати / свьршити службу и радение* «делать / сделать дело, работу хорошо, усердно». Можно предположить, что данные сочетания были устойчивыми в деловых текстах определенного жанра.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у глаголов *совершать / совершить* изменилась сочетаемость, поэтому в русских деловых текстах разных периодов мы видим сочетания с разным компонентным составом при одном и том же значении глагола. Степень устойчивости того или иного сочетания можно определить, используя данные НКРЯ.

ОБ ОДНОМ НЕТИПИЧНОМ ЗНАЧЕНИИ ЛЕКСЕМЫ *ИСТИННЫЙ* В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Сахарова Анна Владимировна
(ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород)

Поиск так называемого «истинного» знания часто указывается как основная цель научной деятельности [ФЭС 2004; ФС 2001 и др.]. А значит, мы можем предположить, что понятие истины будет одним из центральных в философии и социологии науки, а также будет занимать важное место в самосознании ученых и определять их аксиологические установки. Однако сложно не заметить, что оперирование понятием истины в XX веке осталось прерогативой философов, в то время как в естественнонаучных текстах лексемы *истина* и *истинный* почти не употребляются в значениях, закрепленных в словарях [см., например, Ефремова, web].

Однако в научных текстах встречаются значения лексемы *истинный*, нетипичные для других контекстов. Речь идет о значении ‘*установленный экспериментально*’ и о терминологическом значении.

Для исследования был составлен подкорпус, включающий более 1000 естественнонаучных статей, содержащих порядка 400 контекстов, более 200 из которых содержат лексему *истинный* в искомым значениях. Сбор материала продолжается.

В качестве примеров приведем два контекста, в которых лексема *истинный* используется в первом из указанных значений:

- 1) «...небольшой разброс жесткостных характеристик композитной ленты в процессе изготовления конструкции или небольшие погрешности измерения критических нагрузок приводят при использовании традиционного подхода к существенному отличию **расчетных** (здесь и далее выделение моё – А.С.) значений малых жесткостных характеристик от **истинных**» [Каюмов 2019, 80]
- 2) «В работе [23] показано, что степень совпадения спектральных пульсаций скорости с исходными DNS-данными вблизи стенки коррелирует с отклонением **рассчитанных** пульсаций скорости от **истинного** значения» [Токарев 2007, 126]

В каждом из случаев мы видим противопоставление *истинного* (установленного экспериментально) и *расчетного* (теоретического). Такое употребление лексемы «вскрывает» закрепившееся в языке науки представление об экспериментальных знаниях как об истинных.

Использование лексемы *истинный* в терминологическом значении связано со значением «установленный экспериментально»:

- 3) «Удивительным представляется то, что на начальном этапе роста графена и графита их появление на поверхности никак не сказывается ни на **яркостной**, ни на **истинной** температуре» [Рутьков 2014, 711].

В данном контексте *истинная температура* – это температура определяемая контактно, «физически», стандартными эмпирическими методами (в отличие от *яркостной*).

Подводя итоги, заметим, что в естественнонаучных текстах появляется новое значение лексемы *истинный*, отсутствующее в других типах дискурса и не

закрепленное в словарях: *‘установленный экспериментально’*. На этом значении лексемы основаны и её терминологические употребления. Оба случая нетипичного употребления лексемы обусловлены внутренними аксиологическими установками авторов естественнонаучных текстов, в частности их имплицитными представлениями об истинном знании и способах его получения.

Литература

Ефремова web – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 24.09.2019).

ФЭС 2004 – Философия: Энциклопедический словарь. Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/> (дата обращения: 24.09.2019).

ФС 2001 – Философский словарь. Под ред. Фролова И.Т. М.: Республика, 2001. — 719 с. (7-е издание, переработанное и дополненное).

Источники

Каюмов 2019 – Каюмов Р.А., Тазюков Б.Ф., Мухамедова И.З., Шакирзянов Ф.Р. Определение жесткостных параметров композитного материала по результатам испытаний панелей на устойчивость // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Физ.-матем. науки. 2019. №1.

Рутьков 2014 – Рутьков Е.В., Галль Н.Р. Необычные оптические свойства графена на поверхности гн. Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики. 2014. Т. 100. № 9-10. С. 708-711.

Токарев 2007 – Токарев М.П., Маркович Д.М., Бильский А.В. Адаптивные алгоритмы обработки изображений частиц для расчета мгновенных полей скорости // Вычислительные технологии. 2007. Т. 12. № 3. С. 109-131.

ТИПОЛОГИЯ ТРОПАТИВА

Тарасов Роман Викторович
(НИУ ВШЭ, Москва)

Работа посвящена типологии тропатива — грамматической категории, выражающей значение «считать кого-то/что-то Q». Будут описаны различные типы конструкций и их структура.

В ходе исследования обработан 161 язык, (144 естественных, 13 искусственных, 4 мёртвых) в основном, методами анализа грамматик и онлайн-опроса носителей естественных и пользователей искусственных языков.

Участникам элицитации предлагается перевести 4 различных тропативных конструкции на их родной язык с русского, английского, испанского, персидского либо украинского.

Существует несколько подходов к определению тропатива (каждый следующий способ включает предыдущий):

- Грамматический — словообразовательный аффикс (арабский: *'aqla* «быть умным» — *ista 'qala* «считать умным»).

Грамматический тропатив классифицируется:

- По сочетаемости с разными основами — может присоединяться либо к любой основе (арабский: *hasuna* (быть хорошим) — *istahsana*, *'aqla* (быть умным) — *ista 'qala*), либо к ограниченному количеству (турецкий: *az* (мало) — *azimsamak*, *akilli* (умный) — **akillimsamak*)
- По наличию других функций — может быть специализированным (лакота: *wašte* (хороший) — *waštelaka*, *ksapa* (умный) — *ksapalaka*), или многозначным (нанайский: *ule* (хороший) — *ulesiuri* (любить, считать хорошим), *sebdeni* (веселье) — *sebdensiuri* (веселиться)).
- Синтаксический — предикат P(X, Y, Q), где X — субъект, Y — объект, Q — характеристика со структурой «X [считает] Y Q». Предикат выражается аффиксом (см. «грамматический тропатив») или тропативным глаголом, который может быть:
  - Многозначным (*считать*, польский *miec* “иметь, держать”, гренландский *isigi* “видеть”)
  - Специальным (украинский *vvažati*)
  - Семантический — мнение X о Q как качестве Y, выраженное синтаксическим (в т. ч. грамматическим) тропативом или полипредикативно:

НИВХСКИЙ

(1)	<i>ni</i>	<i>k'imli-dj:</i>	<i>if</i>	<i>k'oʊa</i>	<i>manu-dj</i>
	1SG	думать-PRES	3SG	умный	быть-PRES
	'Я считаю его умным'.				

Так как данная конструкция предполагает выражение значения при помощи 2-х клауз, тропатив нивхского языка не является синтаксическим.

Применение термина будет расширено в докладе. Он будет включать конструкции со значением “считаться Q” (*обратные*) и схожие конструкции с отрицанием — *негативные*, наряду с *прямыми позитивными*.

В докладе также рассматривается тропатив искусственных языков с целью выяснить, какие конструкции могут считаться (по представлению авторов языков) самыми простыми/сложными.

К ПРОБЛЕМЕ ИНЛАУТНОГО *w* В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА⁶

Тимкин Тимофей Владимирович
(Институт филологии СО РАН, Новосибирск)

Одной из проблем описания сургутского диалекта хантыйского языка является дистрибуция губного щелевого *w*, заднеязычного *ɣ* и огубленного заднеязычного *ɣ*^o. По данным словаря Н. И. Терешкина [1] выделяются две группы говоров, относящихся к сургутскому диалекту. В тром-юганском (тромъеганском), аганском, усть-аганском говорах *w* употребляется только в анлауте, *ɣ*^o, *ɣ* – только в инлауте. В юганском, усть-юганском говорах возможен также инлаутный *w*. Распределение звуков подчиняется левому контексту:

- после *i*, *e*, *ə*, *ä* – тр-юг. *ɣ*^o/ юг. *w*, если гласный восходит к огубленному, *ɣ* иначе;
- после *ü* – тр-юг. *ɣ*^o/ юг. *w*, с единичными отклонениями;
- после *j*, *u*, *ä*, *a* (тр-юг.), *ä* (юг.), согласных – как правило, *ɣ*, однако в ряде лексем в юганском *ɣ*^o после *a*, соответствующего тр-юг. *ä*; после *ä* также возможно *ɣ*^o;
- после *ö*, *õ* – *ɣ*^o в единичных случаях юг. *w*;
- после *o*, *ä* – тр-юг. *ɣ*^o либо *ɣ*, в юганском в соответствии с тр-юг. *ɣ*^o могут быть в разных лексемах *ɣ*^o, *w* либо их вариативность.

Д. Абондоло предполагает, что *ɣ*^o может рассматриваться как реализация фонемы /*w*/ [3: 363]. М. Чепреги указывает, что в пимском, юганском говорах *ɣ*^o произносится как *w* во всех случаях; в тромъеганском – после передних гласных [2: 34].

Томографический анализ, проводившийся в лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) Института филологии СО РАН с одним пимским и двумя тромъеганскими информантами, показал, что инлаутный *w* имеет сильную веляризацию, однако отличается от *ɣ*^o более передним положением спинки языка.

Наши наблюдения основаны на выборке экспедиционных аудиоматериалов, включающих чтение словарных списков от одного носителя пимского говора, четырех – тромъеганского и трех – юганского. Эти данные согласуются с наблюдениями М. Чепреги о двух типах реализации *ɣ*^o. Однако первый тип – полную замену *ɣ*^o на *w* – мы находим у пимского информанта и одного тромъеганского, но не у юганских. Второй тип – замену после переднерядных гласных мы находим у тромъеганских и юганских дикторов. В этом типе наблюдаются колебания после *ä*, *o*: например, *oɣ*^o ‘голова’, но *owti* ‘верх’. Данная вариативность фиксируется в [1], но как специфически юганская.

Мы приходим к выводу, что переход *ɣ*^o > *w* носит всеобщий характер после неогубленных гласных, то есть в позициях, где *w* и *ɣ* могут противопоставляться как две фонемы. Наоборот, в иных позициях противопоставление фонем /*w*/ и /*ɣ*/ нейтрализуется и распределение аллофонов [*w*], [*ɣ*^o], [*ɣ*] подчинено, по-видимому, комбинаторным правилам, которые различаются территориально и требуют уточнения.

Список литературы

- Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.
Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир, г. Ханты-Мансийск, 2017. 276 с.
Abondolo D. Khanty. The Uralic Languages. London: Routledge. P. 358–386.

⁶ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 012-00388)

СЕДАКТИВНЫЕ ДЕТАЛИ В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ УЧЕБНОГО ТЕКСТА: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ⁷

Трущелёв Павел Николаевич
(РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)

Доклад посвящен вопросу понимания учебных текстов, в смысловой структуре которых представлены интересные, но незначимые компоненты – седативные детали (СД) [1]. Считается, что СД препятствуют адекватному пониманию текста, однако результаты исследований остаются противоречивыми. Актуальной является задача лингвистического описания СД.

Как правило, СД связаны с конкретизацией сообщаемых фактов, а именно с приемами усиления наглядности и контекстуализации. В первом случае СД могут быть представлены в текстах с вымышленным повествованием (напр., описание материков представляется как полет на самолете: *При изучении материков мы будем совершать воображаемое путешествие по каждому из них. Условимся, что путешествовать мы будем на маленьком самолете...*), а также вкраплениями в виде отдельных высказываний (напр., в параграфе «Хвойные растения» из учебника по биологии: *В еловых лесах царит полумрак из-за сомкнутых крон*). Во втором случае СД представляют собой авторские комментарии (напр., *Конечно, чтение конституции – дело не из легких, зато очень полезное*) и репрезентации различных ситуаций, знакомых учащимся (пример (1) из параграфа «Труд и зарплата» из учебника по обществознанию).

(1) *С детских лет ты слышишь от старших слово «зарплата». С этим словом связаны в твоей памяти долгожданные покупки.*

СД также могут быть представлены в виде сообщений «необычных» фактов (напр., под рубрикой *Это интересно* или *А вы знаете, что...*).

Информационная значимость СД зависит прежде всего от их текстообразующей функции. Так, значимость СД в текстах с вымышленным повествованием выше, потому что они определяют линию когезии текста. Повышается значимость СД и при увеличении их вклада в развитие коммуникации, когда компонент текста используется не только для каузации интереса. Так, СД могут использоваться для облегчения понимания текста учащимися (см. пример (1)).

Предложенный подход подтверждают данные экспериментов (64 испытуемых), проведенных нами с использованием методики ключевых слов на материале четырех текстов из учебников по географии. В двух текстах были представлены СД: в одном тексте использовался прием вымышленного повествования, в другом использовались только детали-вкрапления (напр., *Стоит ли удивляться, что столь могучая река породила множество легенд и мифов...*). Статистический анализ показал, что значимость и количество СД, выделенных испытуемыми из текста с вымышленным повествованием, выше значимости и количества СД, выделенных из текста с деталями-вкраплениями.

Таким образом, учитывая отношения между компонентами конкретных текстов, предлагается выделять СД на основе информационной значимости компонентов текста,

---

⁷ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 20-012-00284 «Психолингвистическое исследование эмоциогенности учебных текстов (формирование эмоции интереса)».

их вклада в развитие коммуникации и их текстообразующей функции. В свою очередь, эти характеристики СД также следует учитывать в экспериментальных исследованиях.

Литература

1. Garner R., Gillingham M. G., White C. S. Effects of Seductive Details on Macroprocessing and Microprocessing in Adults and Children // *Cognition and Instruction*. 1989. № 6 (1). P. 41–57.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ С ВАРИАТИВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСАМИ *НА-* И *ПО-*)

Чуйкова Оксана Юрьевна
(РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)

Согласно Малому академическому словарю (МАС), переходные глаголы с префиксами *на-* и *по-* относительно регулярно характеризуются вариативным управлением (род. п. vs. вин. п.), при условии, что прямое дополнение выражено кумулятивной именной группой (вещественным существительным или именем в мн. ч.), ср.:

- (1) *Натаскал воду* (^{OK}*воды*), *наколел дрова* (^{OK}*дров*), *накормил отрубями кабана Борьку* <...> (В. Войнович)
- (2) *Мы похлебали щи* (^{OK}*щей*), *выпили, самогон забористый*. (Ф. Светов).

Некоторые особенности данных глаголов состоят в следующем:

– глаголы с префиксами *по-* и *на-*, способные к вариативному управлению, в большинстве случаев относятся к одному из морфемно характеризованных способов действия: кумулятивному (*набросать что/чего*), делимитативному (*поглодать что/чего*) и аттенуативному (*поубавить что/чего*);

– глаголы, сочетающиеся с род. п., могут быть образованы как от перфективных (*накупить, посбавить что/чего*), так и от имперфективных основ (*наворовать, пощелкать что/чего*);

– для глаголов с обоими префиксами возможна полипрефиксация (*пособирать, насобирать что/чего*), при этом комбинация *по-* и *на-* дает единственный случай, когда префикс *по-* с дистрибутивной семантикой допускает сочетаемость с род. п. (*понабросать, понаделать что/чего*)

– вариативность управления в рамках префиксальных групп представляет системное явление: сочетаемость с род. п. возможна и для глаголов, отсутствующих в МАС (*попринимать таблеток, навскрывать банок*), и для глаголов, у которых вариативность управления не зафиксирована в словаре (*почитать книжек, нарисовать валуёв*).

– особенности сочетаемости с количественными группами: 1) *много/мало/несколько* – возможно для глаголов с обоими префиксами (*попить немного чаю, нарубить немного дров*), 2) числительные – только с *на-* (*накопать три мешка картошки*), 3) *все* – невозможно для *на-*, для *по-* дает дистрибутивную трактовку (**наколоть/поколоть* (дистрибутив) *все дрова*).

– имперфективные корреляты кумулятивных и делимитативных глаголов также способны к управлению род. п. (*насовывали ваты, попивает портвейну*).

ВЫРАЖЕНИЕ МАРШРУТА ДВИЖЕНИЯ ПРИСТАВОЧНО-ПРЕДЛОЖНОЙ СТРАТЕГИЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шувалова Варвара Петровна
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

В русских конструкциях, выражающих движение, маршрут может кодироваться приставочным глаголом движения в сочетании с предложной группой со значением направления. При этом правила сочетания сателлитов этих двух типов (приставка и предлог) не однозначные: считается, что они подчинены «правилу дублирования» [Виноградов 1947: 643]. Это лишь частично подтверждается исследованиями: отмечается, что «и аллативные, и аблативные глаголы преимущественно тяготеют к ... выражению валентности конечной точки перемещения» [Ферм 1990: 56]. Цель исследования — выявить закономерности сочетаемости приглагольных сателлитов, кодирующих разные фазы движения. Материалом послужила сплошная выборка из 12630 примеров НКРЯ с глаголами типа **ползти*, **ползть* и локативными предложными группами, размеченная по ряду параметров (локативная семантика приставки и предлога, вид глагола). Были получены следующие выводы:

1) Предлоги тяготеют к выражению конечной точки над начальной (эта иерархия прослеживается также и в сочетаниях с бесприставочными глаголами); у приставок же наблюдается обратная иерархия.

2) Корпусные данные показывают лишь статистическую тенденцию к «дублированию»: для каждого типа глаголов наблюдается статистически значимо более высокая доля дублирующих предлогов, чем если бы эти два параметра были независимы. Удивительным является то, что «дисгармоничных» контекстов типа *сползли на пол* наблюдается принципиально больше, чем «дисгармоничных» контекстов типа *с тыла подползли*.

3) Глагол СВ чаще сочетается с лативными предложными группами, чем глагол НСВ; глагол НСВ чаще сочетается с «фоновыми» предложными группами типа *ползает в грязи*.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что выражение конечной точки более характерно для менее грамматикализованного средства (для локативных предложных групп). Вероятно, это различие связано с тем, что конечная точка является прагматически более значимой и менее предсказуемой информацией, поэтому выражается предложно-падежной конструкцией, вводящей непосредственно сам ориентир. Начальная же точка часто может восстанавливаться благодаря контексту ситуации, в связи с чем легко кодируется семантически менее наполненным элементом.

Литература

- Виноградов 1947 – Виноградов В. В. Русский язык, М./Л., 1947.
Ферм 1990 – Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. К вопросу префиксально-предложного детерминизма. Uppsala, 1990.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА КОНСТРУКЦИИ ИСКЛЮЧЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Яковченко Анастасия Александровна
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

В докладе будут рассмотрены синтаксические и семантические свойства конструкций с предлогом *кроме* в сопоставлении с родственными конструкциями в английском языке.

Говоря о конструкциях исключения, необходимо отметить, что выделяют 2 типа – *связанные* (*connected exception phrase*), которые входят в одну составляющую с ИГ, и *свободные* (*free exception phrase*), которые присоединяются к целой клаузе [Hoeksema 1995]. В докладе будут выделены различия между свободными и связанными конструкциями в русском и английском языках, а именно:

– ограничение на квантор:

Ф. Мольтманн считает, что ИГ должна быть в сфере действия универсального квантора (*все, любой, каждый*) либо в сфере действия отрицательного универсального квантора (*никто*), но невозможно употребление ИГ с такими кванторами как *много, мало, некоторые* и т.д. (quantifier constraint) [Moltmann 1995]:

(1a) *Every* boy *except* John came.

(1б) **Most/*Few* boys came *except* John.

Однако в русском языке возможны предложения с данными кванторами. Ср. примеры:

(2a) *Многие* газеты его опубликовали (*кроме* «Известий», конечно).

(2б) Эта новость вообще *мало кого* заинтересовала, *кроме* ранимых экскурсоводш.

– ограничение на синтаксический тип компонента *кроме / except* (составляющую, управляемую некоторой синтаксической вершиной – предлогом или союзом исключения):

В конструкциях с *кроме* выделенный элемент может быть выражен только с помощью ИГ (в отличие от союза *кроме как*), в английском языке *except* может управлять как ИГ, так и глагольной группой [Huddleston and Pullum 2002]:

(3a) What else can we do *except* [_{VB} pay the fine]?

(3б) *Что ещё мы можем сделать *кроме* заплатить штраф?

– употребление множественных исключений:

В английском языке возможно употребление двух ИГ в конструкции исключения (в русском это возможно с союзом *кроме как*).

В своём докладе мы подробно рассмотрим эти и другие особенности свободных и связанных конструкций исключения в русском и английском языках.

Литература

Hoeksema J. The semantics of exception phrases // J. van der Does and J. van Eijk

(eds.). *Generalized Quantifiers and Applications*. Amsterdam: Dutch Network for Language, Logic and Information, 1995. P. 145–177.

Huddleston R., Pullum G. K. *The Cambridge grammar of the English language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Moltmann F. Exception sentences and polyadic quantification. *Linguistics and Philosophy*, 18. 1995. P. 223-280.

ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ ОТПЕРФЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСАМИ НА-, ПО-, ИЗ(О)-/ИС(О)-, ВЫ- И ЗА-)

*Чуйкова Оксана Юрьевна, Шарыгина Софья Сергеевна
(РГПУ им. Герцена / СПбГУ, Санкт-Петербург).*

В докладе обсуждаются результаты исследования, посвященного рассмотрению специфики имперфективируемости отперфективных глаголов с префиксами *на-*, *по-*, *из(о)-/ис(о)-*, *вы-* и *за-* по сравнению с другими глаголами с теми же самыми префиксами. Уровень имперфективируемости фиксировался по трем источникам: Малому академическому словарю, Национальному корпусу русского языка (НКРЯ, <http://www.ruscorpora.ru>) и русскоязычному Интернету (посредством поисковых систем Google и Яндекс).

Ниже приводится пример полученных данных, где минимальная выборка – выборка без отперфективных глаголов, глаголов на *-и(зи)ровать* и глаголов морфемно характеризованных способов действия (далее – СД).

	НСВ2 в МАС (%)	МАС + НКРЯ (%)	МАС + Рунет (%)	Доля в максимальной выборке (%)
отперфективные <i>вы-</i> перфективы	93,67	96,2	98,73	7,75
<i>вы-</i> перфективы, min-выборка	82,92	90,60	94,87	
отперфективные <i>из(о)-/ис-</i> перфективы	75	81,25	87,5	2,82
<i>из(о)-/ис-</i> перфективы, min- выборка	66,54	74,54	84,9	
отперфективные <i>по-</i> перфективы	12,3	27,81	49,73	10,69
<i>по-</i> перфективы, min-выборка	31,08	43,49	68,92	

Обобщая полученные результаты по пяти префиксальным группам, можно констатировать, что уровень имперфективируемости отперфективных глаголов оказывается выше, чем по приставочной группе в целом, что может объясняться тем, что для них вторичный имперфектив является единственно возможной парой.

Исключение составляют *по-* глаголы, для которых уровень имперфективируемости отперфективных глаголов оказывается ниже, чем в целом по группе. Причиной может быть вхождение в состав подгруппы глаголов аттенуативного СД и ряда глаголов дистрибутивного СД, для которых вторичная имперфективация во многом затруднена по следующим формальным причинам:

- для дистрибутивного СД (*повытащить*) – при попытке подвергнуть глагол имперфективации получается также глагол дистрибутивного СД, но от имперфективной основы (*повытаскивать*);
- для аттенуативного СД (*пообсохнуть*) – при попытке подвергнуть глагол имперфективации получается глагол делимитативного СД (*пообсыхать*).